

БОЛЬШОЙ ГОРОД В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**О. Лейбович, А. Кабацков,
Н. Шушкова**

Сорок лет назад было замечено, что и «для социолога город остается одновременно и возможностью, и неясной загадкой»¹. В этом смысле Пермь ничем не отличается от Чикаго или Санкт-Петербурга. Мы далеки от мысли раскрыть таинственную душу города, но, тем не менее, стараемся использовать шансы, которые нам предоставляет городская социология. «Социальный вопрос, — некогда написал Р. Э. Парк, — это в принципе городской вопрос. Речь идет о том, чтобы в условиях городской свободы достичь социального порядка и контроля, который спонтанно осуществляется в семье, племени и клане»². И с этим высказыванием нужно согласиться.

Существует мнение, разделяемое многими социологами, что никакой особой сети социальных городских отношений не существует. «Территория не создает, не порождает общественных отношений (ни на уровне общества, ни локальных)», — утверждал М. Межевич³. Этот постулат аргументируется тем, что социальные отношения формируют образ жизни людей, а он определяется их общественным положением, гендерными характеристиками и возрастом. Город как особый тип поселения в этом процессе не участвует⁴. Именно такой подход к проблеме города получил распространение в современной российской социологии. Речь идет не о декларациях, а о практике. Городская тематика не пользуется популярностью в социологическом сообществе. Очень мало

исследований по этой проблеме и западных авторов. Мы полагаем, что недооценка города в некоторых социологических концепциях неверна, и в своих построениях исходим из следующего:

- в городе имеет место устойчивое, повторяющееся, спонтанное взаимодействие людей по поводу совместного освоения социального пространства;

- в городском пространстве на ограниченной территории функционируют многочисленные и разнообразные социальные институты — индустриальные, коммерческие, властные, образовательные и научные;

- организация этого пространства накладывает отпечаток на социальное поведение горожан, более того, оказывает формирующее воздействие на их жизненные стили;

- в результате в городе складывается особая социально-территориальная общность людей.

Общественные отношения в большом городе разграничены по разным основаниям. Главная линия раздела, на наш взгляд, проходит между публичной и частной сферами социальной жизни. По строгой формуле Г. П. Бардта, «город — это поселение, в котором повсюду, в том числе и в повседневной жизни, проявляется тенденция к поляризации между публичным и приватным»⁵.

В указанных сферах городской жизни действуют разные регуляторы социального поведения. В публичной сфере горожане подчиняются формальным безличным правилам, сложившимся в больших производственных, экономических и политических системах. В частной сфере те же горожане выстраивают механизмы взаимоотношений по-иному, основываясь на домашних привычках, личных симпатиях и антипатиях,

⁵ Bahrdt H. P. Die moderne Grossstadt. Muenchen, 1961, S. 38.

>>> Власть сначала формировала некие объекты и структуры — и затем только для их обеспечения создавала социальную ткань. Если крупные (и то далеко не все) города еще имеют черты сложной полифункциональности реального целостного города, то низовые единицы АТД отнюдь не таковы. Труднее всего положение малых моноотраслевых городов и п. г. т. (поселков городского типа) — и дело не только в узости производственной, а значит — и налоговой базы.

Это не самостоятельные поселения по своей сути, а придатки предприятий. Именно на этом уровне еще недавно почти вся социальная инфраструктура была на балансе юридически и в полной зависимости фактически от производственных единиц. Сельские районы, малые и средние города — это территории, где доминировала производственная функция, а все остальное было ее придатком.

Самое главное: **будущие единицы местного самоуправления в очень разной мере являются собственно местами. Место — явная и отчетливая территориальная целостность, само наличие, единство и специфика которой даны обыденному сознанию, реализованы в обычной жизни,** проживаются как ценность (социальный район). Но ведь тогда **очень многие единицы АТД местами не являются**, иногда являясь фрагментами иных мест. Но именно и только настоящие места имеют хоть какой-то шанс на эффективное самоуправление, поскольку являются (могут явиться) предметом заботы как реальная сущность. Требовать же от населения усилий и жертв, в частности — налогов, на то, что актуально не существует для этого населения, требовать заботы о фикциях — бессмысленно и бесполезно. Иногда и единицы АТД являются местами, но местами в этом смысле бывают и совсем иные территориальные общности: группы близких поселений одного или нескольких районов, целостные части административных районов, группы небольших районов и

¹ Reissman L. The Urban Process. Cities in industrial Societies. N.Y., 1964, p. 15.

² Park R. E. The City as a social Laboratory. Chicago, 1929, p. 2.

³ Межевич М. Территориальная общность людей и социальное развитие в условиях социализма // Социс. 1978. №3, с. 33.

⁴ Cans H. J. Urbanism and Suburbanism as Ways of Life // Readings in Urban Sociology. Oxford, 1974, p. 115–118.